

—

Ши Чжу и его младший брат стояли во дворе, обнявшись и горько плача. Ши Чжу сначала не мог плакать по-настоящему. Он прикрыл лицо рукавом, выдавливая из глаз пару слезинок.

Но маленький брат, уткнувшись в Ши Чжу, плакал ручьём, его тело слегка дрожало от обиды. Это заразило Ши Чжу, и он тоже зарыдал по-настоящему.

Ди Хэн стоял рядом со своей маленькой женой. Сначала, видя, что тот притворяется, он спокойно стоял в стороне. Но теперь, увидев, что Ши Чжу плачет по-настоящему, и его глаза быстро распухают, его аура стала пугающей.

С угрозой во взгляде он сказал: «Хватит. Мы пришли сегодня не для того, чтобы слушать твою бессмыслицу. Сегодня мы забираем младшего брата, и с этого дня мы с вашей семьёй не имеем ничего общего». Ди Хэн успокаивающе похлопал Ши Чжу по спине, помогая ему отдышаться.

«Более того, наш Хэнцзы изначально сговаривался с вашим Ши Сябином и дал вам восемь лян серебра в качестве выкупа! А вы подсунули нам брата этого мальчика, чтобы нас обмануть! Вы что, думаете, что в нашей семье Ди нет никого?!» — Лю Цин и так была полна гнева. Теперь, увидев, что Ши Чжу не может сдержать слёз, и её племянник заговорил, она тоже начала возмущаться.

«Подмена невесты?» Как только это было сказано, люди, столпившиеся у глинобитной стены, начали перешёптываться. Подмена невесты считалась бесчестным поступком, тем более за такой большой выкуп.

«Ты... ты врешь! С самого начала сговор был о Ши Чжу!» — Тянь Юй, услышав это, немедленно вскочила с земли и, стыдясь, закричала, пытаясь скрыть свою вину.

«Я вижу, ты упряма, как мёртвая утка, и не поймёшь, пока не ударишься о стену! Я тебе кое-что покажу! Что это?»

Лю Цин достала из рукава лист бумаги. Она лично занималась помолвкой Ди Хэна, и среди крестьян, если уж договорились, то никто не отступал.

Лю Цин радовалась, что настояла на том, чтобы для помолвки Ди Хэна написали свадебный договор. Хотя это не был официальный документ, правительство его тоже признавало.

«Я... я...» — Тянь Юй, увидев свадебный договор в руке Лю Цин, резко изменилась в лице и в панике повернулась к Ши Дашаню: «Муженёк?»

Дядя Ши Чжу был хмур с самого выхода из дома, а теперь его лицо стало чёрным, как дно котла.

«Вот уж поистине никчёмный, дешёвка!» — проклиная Ши Чжу про себя, он сказал: «На этом действительно имя нашего Сябина. Но когда пришло время выходить замуж, Ши Чжу настоял на том, чтобы выйти замуж! Я подумал, что мой брат так рано умер, и мне стало жаль, поэтому я согласился».

Говоря это, он тоже вытер глаза рукавом, изображая скорбь: «Кто бы мог подумать, что Ши Чжу окажется таким бесчестным и теперь будет клеветать на нас!»

«Ого!» — Люди, собравшиеся у стены, ахнули от такого поворота событий.

«Дядя, как вы можете так говорить? Разве не Сябин гер сам сказал вам, что он давно тайно общается с Лю туншеном* из посёлка, и я это подслушал? А вы, не желая отказываться от выкупа, подтолкнули меня?»

[*同生, tóngshēng - туншэн, ученик; при дин. Мин и Цин так называли готовящихся к конкурсным вступительным экзаменам в уездную академию на степень шэньюань (生员, shēngyuán), более широко известный как сюцай, в системе государственных экзаменов кэцзюй.]

«Ты... замолчи!» Дядя Ши Чжу гневно посмотрел на него, угрожающе сверля Ши Чжу глазами.

Угроза? Ши Чжу ничуть не испугался. Он плакал, как грушевое дерево под дождём*, его и без того худое тело согнулось, словно получило сильный удар. Он выглядел слабым и беззащитным, как маленький белый цветок, который вот-вот унесёт ветром.

[*В китайском языке это известное идиоматическое выражение 梨花带雨 (líhuā dàiyǔ), что буквально переводится как «Грушевый цвет, омываемый дождём». Фраза происходит из знаменитой поэмы Танского поэта Бо Цзюйи (白居易) «Песнь о вечной печали» (长恨歌), где он описывает плачущую наложницу Ян Юйхуань: «梨花一枝春带雨» «На нефритовом лице уныние, слёзы ручьём текут, словно ветвь грушевого цвета, омытая весенним дождём». Хотя традиционно это выражение применяется к женщинам, чтобы подчеркнуть их изящную, трогательную красоту даже в момент горя, в современном контексте (особенно в китайских новеллах, где главный герой может быть очень эмоциональным), оно используется для описания чрезвычайно красивого и трогательного плача.]

Ши Чжу покрасневшими глазами сказал: «Вы ещё сказали, что если я не выйду замуж, то вы продадите меня и моего брата в публичный дом, у-у-у, дядя! А Сябин гер сейчас не дома, он, наверное, пошёл на свидание с Лю туншеном из посёлка?»

Ты безжалостен, значит, и я буду безжалостен. Думаешь, можно повесить это на меня? Мечтай дальше. Если уж сорвём маску, то сорвём её полностью. Так мы хотя бы сможем искупить все страдания, которые перенёс прежний владелец.

Ши Чжу плакал, задыхаясь, выглядя так, словно его близкие настолько травмировали его, что он вот-вот потеряет сознание, и опёрся на Ди Хэна.

«Ух ты!» — Сегодняшняя драма была действительно захватывающей. Одна волна негодования сменялась другой. Сначала подмена невесты, а теперь Сябин гер тайно встречается с каким-то Лю туншеном из посёлка. Чёрт возьми, вот это да!

Сябин гер был красив и даже учился два года в сельской школе, знал несколько иероглифов, поэтому имел хорошую репутацию. Многим молодым парням он нравился, но он всем отказывал. Когда его засватали, это вызвало переполох. Не видя его в эти дни, люди думали, что он уехал к мужу, а оказалось, что не только невесту подменили, но и сам Сябин гер связался с этим Лю туншеном.

Он явно метил на место жены сюцай* и, естественно, не хотел выходить замуж за какого-то охотника. Все вздохнули, став ещё более заинтересованными в зрелище.

[*Сюцай (秀才, xiùcāi) - учёный, обладатель первой степени, экзамен проводился в региональных

центрах (уездах) ежегодно.]

«Ши Чжу, что ты, маленькая потаскушка, говоришь? Сябин каждый день дома, откуда ему знать Лю туншена, и уж тем более встречаться с ним!» — гневно возразила Тянь Юй, бормоча про себя: «Какой ещё туншен? Разве Сябин не говорил, что он сюцай?» Но по виноватому выражению её лица все поняли, что ей нельзя верить.

«Ладно, независимо от того, встречается ваш Сябин с этим Лю туншеном или нет, как мы решим вопрос между нашими семьями?» — Лю Цин теперь полностью поняла суть дела и была ещё более разгневана.

«Они хотят стать жёнами сюцай и презирают нашего Ди Хэна! Если бы они подошли по-хорошему, мы бы не стали настаивать и отменили бы помолвку. Но они не хотят выходить замуж и жадничают до нашего выкупа за невесту! Какая же ненасытная семья!»

«Мы же отдали человека в жёны! Ты хочешь вернуть выкуп?» Когда дело дошло до денег, Тянь Юй вскочила, оперев руки в бока, понимая, что вытянуть из неё хоть что-то невозможно.

«Хорошо, я хотела бы услышать мнение старосты деревни!»

Пока они спорили, Ши Чжу попросил одну добродушную тётушку позвать старосту. В этот момент староста деревни Сюшуй как раз подошёл к воротам.

«Что произошло, что вы хотите, чтобы я решил?» — староста, задожив руки за спину, вошёл, ответив на слова тётушки Лю Цин. По пути он уже узнал о случившемся от односельчан и был очень недоволен тем, что творила семья дяди Ши Чжу.

«Староста, вы как раз вовремя! Они...» — красноречивая тётушка Лю Цин быстро изложила ситуацию: «Рассудите нас! Интересно, что скажет на это уездный судья?» — добавила Лю Цин с угрожающей интонацией.

«Сестра, зачем беспокоить уездного судью? Это вина Лао Ши, он должен принести извинения и вернуть выкуп».

«Староста!» — Лао Ши был в недоумении.

«Ши Дашань, ты нарушил своё обещание. Даже если дойдёт до властей, ты будешь неправ», — сурово сказал староста.

«Тётушка, выкуп не нужно...»

«Нужно!» — Услышав, что мужчина хочет отказаться от выкупа, Ши Чжу поспешно вмешался, ущипнув мужчину за бок. «Расточитель! Это же целых восемь лян серебра!»

Ди Хэн, глядя на возмущённое выражение лица своей маленькой жены, беспомощно согласился и взял его руку, которая щипала его.

«Нет, нельзя! Ши Чжу был у вас три дня, вы его тело использовали! Вы не можете просто так уйти, не заплатив!» — Тянь Юй была возмущена. Увидев руку Ши Чжу, которую держал Ди Хэн, она сгоряча попыталась сбить цену.

«Один лян! Для моего выкупа достаточно одного ляна», — Ши Чжу не дал им возможности возразить и продолжил: «Староста, я вернулся, чтобы забрать брата. Я также прошу вас, как

старосту, помочь мне вернуть имущество и землю, оставленные моими родителями, для моего брата».

Староста нахмурился, собираясь возразить, но, глядя на братьев, ничего не смог сказать. К тому же, его смущал мужчина, стоявший за Ши Чжу.

Хотя он молчал, его присутствие ощущалось. Он был широкоплечим, с накачанными мышцами, на голову выше жителей деревни. Он стоял с большим тесаком, выглядел свирепо и жутко.

Он, несомненно, был тем самым охотником Ди Хэном, известным своим вспыльчивым нравом и какой-то странной, пугающей репутацией. Те, кто пытался с ним ссориться, рано или поздно попадали в беду. Независимо от того, правда ли он «нечист», староста не хотел проверять это на себе.

«Хорошо. Мальчику Ши Юню уже десять лет, пора вернуть ему имущество. Лао Ши?»

Ши Дашань и Тянь Юй не ожидали такого поворота событий и не желали принимать это. Они уже давно проели всё наследство брата. Осталась только земля. А теперь им придётся отдать свои деньги этой потаскушке Ши Чжу?

Но староста давил, Лю Цин грозилась пойти к уездному судье, а Ди Хэн стоял позади Ши Чжу с яростным выражением лица, поддерживая его. Он держал большой тесак, готовый в любой момент зарубить. Ши Дашань не хотел проверять, как больно режет тесак. К тому же, в сегодняшнем деле, как сказал староста, они действительно были виноваты.

После долгих размышлений Ши Дашань, сдерживая гнев, недовольно сказал Тянь Юй: «Иди, принеси серебро и земельные документы».

Тянь Юй посмотрела на мужа, потом на старосту, понимая, что отдавать придётся. Она топнула ногой и сердито ушла в дом. Вскоре она вышла: «У нас сейчас всего десять лян серебра!»

«Кого ты обманываешь? Я сама пойду посмотрю!» — Сказав это, тётушка Лю Цин оттолкнула толстую Тянь Юй и собралась войти в дом.

«Стой, стой, стой! Я вспомнила, есть ещё пять лян! Это последние пять лян, больше нет!» — Тянь Юй запаниковала, услышав, что Лю Цин собирается обыскивать, и тут же передумала.

Тянь Юй была хороша только в том, чтобы угнетать слабых, а перед сильными трусила. Увидев твёрдость Ди Хэна и его спутников, она не смела больше хитрить.

Восемь лян — это немало. К тому же, похоже, это действительно максимум, который они могли отдать. Лю Цин незаметно взглянула на Ши Чжу. Ши Чжу слегка кивнул.

«Ладно, иди принеси, я здесь постою», — Лю Цин вовремя остановила Тянь Юй, которая уже хотела снова упасть на землю и начать валяться.

Тянь Юй снова вошла в дом и вынесла пять лян серебра. Неохотно она передала серебро и земельные документы Ши Чжу.

Ши Чжу без церемоний взял их, проверил, и, убедившись, что всё в порядке, улыбнулся: «Спасибо, староста. Теперь я вышел замуж, и Сяо Юнь поедет со мной. Уже поздно, нужно ещё пойти на могилу к родителям и сообщить им, так что мы не будем задерживаться».

Их обычай гласил, что бумагу сжигают до полудня, чтобы получить большие деньги, после полудня — малые. Староста посмотрел на время. До полудня было ещё далеко, и он кивнул.

Когда Ши Чжу не был замужем, он и его брат Ши Юнь жили в деревянном сарае. На сломанных досках лежала солома, и у них было две рваные, никуда не годные одежды. Ши Чжу решил не брать их.

Ши Чжу взял младшего брата за его худую, огрубевшую ручку и вместе с мужем и тётушкой Лю Цин направился к выходу из деревни.

Они вышли из двора и пошли по деревенской тропинке к пустынному месту. Два могильных холма стояли среди сорняков. Ши Чжу подошёл и хотел голыми руками вырвать траву перед могилами. Ди Хэн остановил его, отвёл назад и быстро, в два-три движения, очистил траву.

«Сяо Юнь, иди», — Ши Чжу достал из корзины благовония, бумажные деньги, печенье, фрукты и жареную курицу. Расставив подношения, он опустился на колени перед чистой могилой и подтянул Ши Юня к себе.

«Папа, мама, я вышел замуж. Я живу очень хорошо, не волнуйтесь. Сегодня день моего визита в родительский дом, и я забираю Сяо Юня с собой. Возможно, я не смогу часто вас навещать». Хотя я не ваш настоящий сын, но я буду хорошо заботиться о Ши Юне.

Он подтянул Ди Хэна: «Это мой муж. Он очень хорошо ко мне относится. А это тётушка, благодаря ей я сегодня забрал и наше право собственности на землю».

Братья долго говорили, склонив головы, трижды поклонились перед могилой и ушли. Ветки деревьев у могил покачивались, словно прощаясь с ними.

Глаза маленького брата распухли, как грецкие орехи. Он крепко держал брата за руку, отправляясь навстречу неопределённому будущему.

—